

Анна Марек

БЕЛЫЙ ТИГР
городекая история

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Анна Марек © 2017

Иллюстрации - Сергей Шеренов © 2017

Skleněný můstek s.r.o. © 2017

ISBN 978-80-7534-164-8

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ Редчайший экземпляр

ГЛАВА ВТОРАЯ Завтрак

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Новые знакомства

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ Ожидание

ГЛАВА ПЯТАЯ «Микрофон включён»

ГЛАВА ШЕСТАЯ Дома

ГЛАВА СЕДЬМАЯ Решение Овцебыка

ГЛАВА ВОСЬМАЯ «Я хочу разобраться...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ У Тюленей

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Встреча

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Чай с душицей

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ «Пусть ли в поднебесье?»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ В «небе...»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ В раю

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ «Земля»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ В кафе

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ В монтажной

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ Случайные открытия

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ И снова... Тропический лес

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ В канун Рождества

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ Посетитель

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ЧП

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ Сказка

ЭПИЛОГ

БЕЛЫЙ ТИГР

Городская история

Посвящается моей Бабушке и А.В.

ГЛАВА ПЕРВАЯ Редчайший экземпляр

Морозным утром, в первый день декабря Бенгальский тигр по имени Тигрёша выскочил из своего вольера на улицу за газетами для Бабушки, толкнул калитку и... сшиб проходящего мимо с авоськой дворового кота Фёдора. Кот наведывался в их Зоопарк к Рыжей Рыси; она жила поблизости, через один дом от тигров. Фёдор начал было падать, взмахнул лапами, но всё-таки сохранил равновесие. Правда, кепку выронил, да что кепка... Авоська в сугробе исчезла. Бесследно. Так что не заметишь Фёдор точно, куда она угодила, искать ему её до вечера. Снега за ночь навалило немерено – мягкого, рассыпчатого.

– Гх-а-ад! – завопил Кот. – Тебе бы таааааак... в лоб!

– Прости, Фёдор, – буркнул Тигрёша, – я не заметил тебя, задумался...

– Умный что ли?

– Тише... Зачем так кричать?

– А затем, что лоб у меня не казенный. Что за утро! Лев задумался, чуть не зашиб. Снежная Коза неслась, будто ей хвост подпалили. Открылось у неё... И вообще все как с цепи сорвались, орут: Откры-ы-лось!

– Погоди, Фёдор, – перебил Тигрёша. – Что открылось?

– Что-что? Радио.

– Здесь у нас?

– Ну да. Радио Зоопарка, для зверей, еш-шь твой хвост, вот только не надо заливать, будто ничего не слышал! Знаю я вас, тихих...

Кот поднял валявшуюся у ног кепку, стряхнул с неё снег, надел, поправил козырёк. Затем откопал авоську. Всё было на месте: пакет молока, вяленая вобла и нечто, завернутое в бумагу, пахнущее свежей куриной печёнкой.

– Хорошо, я пакет купил, а не бутылку, а всё ты! У-у... Ладно, я добрый, – проворчал Фёдор. – Спешу. Ждут меня.

– И где это радио? – тихо спросил Тигрёша.

– Справа от главного входа, – бросил кот не оборачиваясь и двинулся дальше по узкой расчищенной от снега дорожке.

Тигрёша ошалело смотрел, как Фёдор прошёл вдоль его вольера, потом вдоль забора Ягуаров, наконец, подвалил к калитке Рыжей Рыси. «Радио! – думал Тигрёша, – Настоящее! У нас! Здесь, в Зоопарке! Радиостанция...»

* * *

В первый раз Тигрёша услышал радио за два с половиной года до встречи с Фёдором. Тигриный год – длинный, он тянется как четыре человеческих, так что если перевести это время на человеческий счёт, получится, что произошло это аж целых десять лет назад! Тигрёша был тогда ещё совсем маленьким.

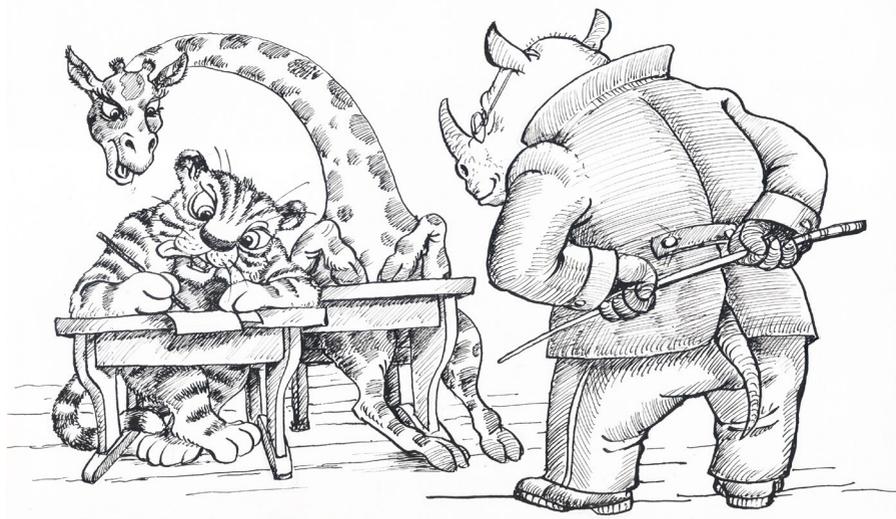
Осенними вечерами в их северном городе делалось промозгло, и Бабушка загоняла тигрёнка домой раньше обыкновенного, часов в шесть. Дом у них был небольшой – кухня, ванная и уютная комнатка. Бабушка занавешивала окно шторами из тяжёлого красного сукна, садилась к письменному столу, зажигала лампу под жёлтым абажуром, читала тигрёнку сказки или включала говорящую коробочку с серебристым штырьком – ждала вестей с Юга. Где-то там, в джунглях Индии или Бенгалии, – рассказывала Бабушка, – жила Тигрёшина мама. Приехать она не могла, работала, а телефона в тропическом лесу не было. Изредка, под Новый год, в вольер приносили яркие открытки, каждый раз с разными почтовыми штемпелями. И тогда Бабушка целовала тигрёнка, щекоча носом за круглым его ушком, и шептала: «Это от мамы...»

...В тот вечер Тигрёша, или Грёшка, как его звали дома, скучал. С утра зарядил дождь, с Юга давно не приходили вести, Бабушка углубилась в чтение своих любимых газет. «Плохой день, – думал тигрёнок, – прогулки отменяются». От нечего делать он нажал кнопку на говорящей коробочке. Внутри засветилось зелёным окошко. Грёшка протянул к нему лапу. «Здравствуй, дружок!» – сказал вдруг зелёный. «Здрасте», – сказал ошеломлённый тигрёнок. «Садись-ка поудобнее... так... удобно?» – «Ага», – прошептал Грёшка, обхватив лапами колени. – «Вот и хорошо... Сейчас мы приглашаем к приёмникам наших маленьких слушателей! На радио – сказка...»

Когда Грёшка опомнился, голос исчез. Играла музыка. Сказка кончилась. Улучив момент, когда Бабушка вышла из дома в вольер за ужином – его каждый вечер в четверть седьмого приносил служитель Зоопарка, коренастый мужик Василич, от которого всегда пахло чем-то противным – Грёшка схватил приёмник. Теперь-то он знал, как называется эта коробочка: «приёмник»! Он прикладывал радио к ушам, тряс его, заглядывал в зелёное окошко, но всё напрасно: комнаты, в которой сидел сказочник со своими друзьями и которую он называл «студией», тигрёнок не нашёл: одни железки да провода...

Через несколько дней он рассказал о том случае Бабочке – маленькой ягуарихе из соседнего вольера, прозванной Бабочкой за пушистые белые усы, очень похожие на крылья бабочки. Ягуариха-старшая дружила с Тигрёшиной Бабушкой, и Грёшка с Бабочкой часто играли вместе. Вот и тогда они носились друг за другом по тигриному вольеру, а потом Грёшка залез на бревно, а Бабочка слушала его, лёжа на земле, задрав голову. «Когда я вырасту, – говорил тигрёнок, – я найду это радио. Я пойду туда и буду рассказывать сказки. И меня мама услышит». – «А где она?» – царапнула его Бабочка. Тигрёша спрыгнул с бревна: «А в Индии! Я вот что придумал. Я на радио письмо напишу».

Однако сколько ни карябал он печатными буквами: «На Радио. Сказочнику», ответа не получил. «Учись, Грёшка, писать, как следует, – наставляла его Бабушка, – вот научишься, тебе ответят». И тигрёнок пошёл в школу для зверей – тут же, в Зоопарке. Приняли его неохотно, объясняли: мал ещё, подождать бы надо, а уж тогда... Но Грёшка слышать ничего не хотел. Да и Бабушка не возражала – пускай привыкает. Учитель – толстый Носорог с деревянной указкой – спорить не стал, пожал плечами и выдал учебники.

* * *

...Два с половиной года прошло с тех пор, – по человеческому счёту десять лет... Тигрёша ошалело смотрел вслед удалявшемуся Фёдору. «Радио! Не может быть!..» Он вспомнил говорящую коробочку с серебристым штырьком, сказку... Сколько всего произошло за эти годы! Он окончил школу, в июне сдал выпускные экзамены и всё чего-то ждал. Тигрёша усмехнулся: как будто предчувствовал!

– Тебе, Грёшка, надо заняться делом, – часто говаривала Бабушка.

Работа не заставила себя ждать. «Возьмёшься надписывать именные таблички? – спросил его полгода тому назад учитель Носорог. – У тебя неплохой почерк». – «Это какие? Те, что на калитках?» – «Именно». Грёшка согласился. «Не радио, конечно, – убеждал он себя, – ну так и что с того? Где ж его взять в Зоопарке, радио для зверей? А тут какое-никакое занятие».

Сейчас же, вспоминая свои первые таблички, Тигрёша улыбнулся. Надо же такие имена придумать: «Гривистый волк», «Очковый медведь», «Львинохвостый макак!»! А уж чего стоят «Черноголовый хохотун», «Карликовая мармозетка» или «Винторогой козёл»! Работал Тигрёша на совесть, все остались довольны. Даже Страусиха после долгих колебаний со вздохом приняла Грёшкину табличку. «Много она понимает, – обижался тигрёнок. – Вывеска-то хороша. Не так, конечно, как его собственная, но всё-таки...»

* * *

...Кот Фёдор скрылся за поворотом. Тигрёша стряхнул лапой снег с дощечки своего вольера. «Радио Зоопарка... С ума сойти! А если Фёдор перепутал что или соврал?.. А если нет?.. Невероятно! Может, Бабушка что-то знает?»

Бабушка была крупнейшим в мире учёным, специалистом по поведению хищников в неволе. Её забрасывали письмами и телеграммами с просьбой выехать на другой конец света, люди присылали за ней фуры и самолёты... Ещё бы! Кому ж не хо-

чется жить в мире с животными! Бабушка знала ответы на все вопросы и, главное, к Тигрёшиной досаде, никому никогда не отказывала. «Понимаешь, – объясняла она, – меня ждут друзья, я не могу не ехать. И потом, я должна помочь, обещала. Ну вот, надулся... Прекрати гримасничать, я скоро вернусь». Грёшка вздыхал, забирался на кровать, обиженно сопел. Как он ненавидел эти её командировки! «Наверное, я подкидыш, – думал он. – Нет, правда, а вдруг родители – не родители мне и Бабушка – не бабушка? Что если я приبلудный, и приютили меня из жалости? Разве ж от родного уедут в командировку? Да никогда! А от приёмыша – запросто!»

– Буня! – звал Бабушку Грёшка. – Скажи, а тигры долго живут?

– По-разному... Некоторые лет до двадцати пяти доживают, хотя... точно не скажу. Это зависит от того, где они живут – в природе или, как мы, в Зоопарке, какого они вида – Амурские, Бенгальские, Южно-китайские...

– А мы какие?

– Мы – Бенгальские, я тебе сто раз говорила.

– Значит, мама – Бенгальская?

– Да.

– И ты тоже?

– Конечно.

– И я?

– И ты. Неужто сомневаешься?

...Сомневается ли он? А как тут не сомневаться? Подойди к зеркалу, и вот оно, доказательство – белая морда с чёрными полосками. Белая... Совершенно б е л а я... Это у рыжей мамы и рыжей бабушки! Такого не бывает, что бы там ни писали в энциклопедиях, словарях и научных книжках. А глаза? Вы встречали тигров с голубыми глазами?... Нет? Пожалуйте сюда! У всех тигров глаза жёлтые, а у него голубые. Как у пра-пра-прадеда, белого тигра; его ещё звали королевским... Бабушка часто рассказывала эту семейную легенду. Мол, нашёл один раджа в Индии, в джунглях четырёх тигрят – трёх рыжих и одного белого: рыжих бросил, а

белого взял во дворец. Много у того тигра было потом детёнышей, но все рыжие, ни одного белого! В конце концов, раджа устал ждать: он-то хотел развести белых тигрят и играть с ними, как с котятами. Так вот, разозлился раджа и прогнал белого тигра со всем его семейством из дворца. Но и потом, в джунглях, белые не рождались, одни рыжие, и вдруг... Тут Бабушка всегда гладила тигрёнка по голове: «И вдруг родился ты. Мы никак не ожидали. Ты у нас редчайший экземпляр, Грёшка, так и знай!» Всё. Конец истории. *«Бенгальский тигр, рождённый в джунглях»*... Только вот правда ли это? Маленьким Грёшка в это верил, а сейчас, когда вырос... Да и сейчас верил. Звучит красиво. Не всякий ведь рождён в джунглях!..

Тигрёша вынул газеты из почтового ящика у калитки и побежал в глубину вольера, – там, за деревьями, угадывался тигринный домик из крупных серых камней под красной черепичной крышей, теперь совсем скрытой под толщей снега.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Завтрак

– Буня, ты что-нибудь слышала про радио? – крикнул Тигрёша, влетев в кухню с газетами под мышкой.

Бабушка вытерла салфеткой усы.

– Садись, будем завтракать.

– Какой завтрак, Буня! Ты что-нибудь знаешь о радио? О нашем, здешнем, для зверей?

– Ах, об этом...

Бабушка достала из холодильника стеклянную бутылку с молоком, отлила из неё в маленькую чугунную кастрюльку, включила плиту. Тигрёша вертелся рядом.

– Да, я читала. В газетах вчера прошло объявление. Открытие – 1 декабря...

– И ты молчала!

– А что я должна была делать? Дай-ка соль... Да вон же она, за тобой, в сером шкафчике, первый ящик справа, – Бабушка отрезала кусок сыра. – Подумаешь, событие – «Радио Зоопарка»! Ну, и о чём оно, по-твоему, будет рассказывать? О том, что Гепарду недодали порцию мяса, а Тюленя стошнило от тухлой рыбы?

– А хотя бы и об этом!

– Дурашка, об этом никогда не расскажут, а если и осмелятся, то радио тут же прикроют. Пойми, правды ты всё равно не дождёшься, читай лучше газеты: там больше информации.

– Всё ты об информации! – Тигрёша вскочил. – А музыка? А сказки?? Это же всем интересно – и нам, и людям!

– И ты думаешь, что люди, – ореховые глаза Бабушки сузились, – станут слушать наши сказки? Не смеди меня. Яйцо будешь?

Тигрёша мотнул головой.

– Напрасно.

– Ты не права!

– Куда уж мне! Сходи, сам убедишься!

– А где оно, радио?

– Справа от главного входа, в бывшей гостинице для иностранных специалистов. Теперь их, иноспециалистов то есть, в город отвозят... Хорошее здание, между прочим, добротное...

– А кого там спросить? – замирая, спросил Тигрёша.

– Овцебыка. Я слышала, его назначили главным редактором. Его кабинет на втором этаже. Сегодня... – Бабушка взглянула на календарь, – понедельник, 1 декабря. В Зоопарке – санитарный день. Посетителей нет, у нас выходной... Значит, радио сегодня открыто с утра до вечера... Ай, заболтал ты меня, молоко убежало!

Она подхватила кастрюльку и принялась дуть на молоко. Тигрёша, между тем, на цыпочках выскользнул из кухни.

– Пойми, Грёшка, я не против радио как радио, – продолжала Бабушка, вытирая тряпкой плиту. – Весь вопрос в том, о чём оно говорит и зачем. А тут всё как-то странно. Дирекция с самого начала темнит, об открытии мы узнаём едва ли не в последний момент, всё скрытно. Почему, спрашивается? А... молчишь! Правильно! Сказать-то нечего. И вообще. Чтобы делать свои программы, надо учиться. Всякий, кто работает на этом твоём радио, куда ты так рвёшься, полгода занимался на специальных курсах. А ты... ты только в июне школу окончил! О чём тут вообще можно говорить? погоди, объявят набор, пойдёшь учиться. Давай сюда чашку...

Бабушка обернулась. В кухне никого не было.

– Эй, Грёшка!.. Грёшка!

Бабушка выбежала в вольер. «Удрал! Без завтрака! Ну, только вернись!» Она зашла в дом. Вязаная малиновая шапочка и шарф Тигрёши висели на вешалке при входе. Забыл!.. Бабушка покачала головой: «Эх, Грёшка-Грёшка, уши застудишь!» Она собралась уже переступить порог кухни, как вдруг заметила под ногами клочок вчерашней газеты. Она подняла его. Это был обрывок интервью с директором Зоопарка:

«...в канун Нового года и Третьего тысячелетия начнёт работу наше Радио. За рубежом такая практика существует давно.

Корреспондент: Продолжительность передачи?

Директор: Пока один час, вечером, с 21.00 до 22.00. Там посмотрим. Прямого эфира пока не даём, пускай поработают в записи.

Корреспондент: Боитесь крамолы?

Директор: Боимся накладок. Технических. А что до крамолы, то мы – за открытость. В рамках закона, разумеется...»

««В рамках закона»... Ненадолго, значит. Не повезло тигрёнку, не успеет наиграться...» – Бабушка вздохнула. Ещё вчера эта статья взволновала её не больше, чем рекламные объявления. Но теперь... Теперь другое! Теперь на это самое радио рвётся её Грёшка!.. И Бабушка сжала в кулаке газетный клочок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новые знакомства

Широкая круговая мраморная лестница, главное украшение бывшей гостиницы для иноспециалистов, а теперь Дома Радио, была погружена в темноту. На площадке второго этажа Тигрёша остановился. Странное у них радио... Поди сыщи тут Овцебыка! Слева зиял вход в чёрный тоннель коридора. Тигрёша боязливо вошёл в него. Двигался он медленно, шаря лапой по стене, то и дело натываясь на какие-то предметы.

– Ну? – послышался в глубине туннеля чей-то хриплый голос.

– Я не обязана... – ответил Хриплому другой голос – дамский, колышущийся, как желе.

– Вы обязаны исполнять все поручения начальства, но, как я вижу, вы не в состоянии даже включить фонарь. Дайте-ка его сюда...

– Рр-у-к-и!

От визга «желе» у Тигрёши заложило уши. В глубине коридора что-то громыхнуло. Ещё секунда, и белая вспышка ослепила его.

– Тигрёша? – спросил Хриплый. – Ты чего тут делаешь?

– Ищу Овцебыка.

– Считай, что нашёл.

Пучок света соскользнул с Тигрёшиной физиономии и, качнувшись, ударил в рога Овцебыку. «Вот это да, – обрадовался тигрёнок, – нашёл! И как? С первой попытки!»

– Ты, собственно, чего пришёл? – поинтересовался Овцебык.

– Я... очень хочу к вам, – робко ответил Тигрёша.

– Да? А что ты умеешь делать?

– Я радио люблю... И ещё сказки.

– Сказки? – Овцебык хмыкнул. – Сказок не обещаю. Вон, видишь стол? – луч света упал на пол, высветив край перевернутой столешницы и основание деревянной ножки. – Давай-ка, ты возь-

мись с той стороны, а я – с этой. А вам, мадам, я доверяю фонарь. Надеюсь, его вы не уроните?

«Желе» задрожало:

– Да вы... да как вы...

– Нечего было дёргаться, – невозмутимо продолжал Овцебык. – А то прыгает, как кенгуру: попробуй, удержи!.. Ну что, Грёха, взял? Понесли! Здесь недалеко, до редакции метров тридцать...

Тигрёша шёл, замыкая процессию. Открывала же её, фыркающая и колыхаясь, ТА, КОТОРАЯ НЕСЛА ФОНАРЬ. В шатающемся круге света то и дело всплывали шкафы, тумбы, сейфы, груды бумаг, стулья, кресла, табуреты, корзины для мусора, книжные стеллажи. Попалась даже пальма в кадке.

– Свет у нас с утра отключили, осторожно, – Овцебык остановился, – пришли!

Скрипнула дверь, и узкая полоска света выросла до размеров дверного проёма. Тигрёша зажмурился и вслед за столом вплыл внутрь яркого пространства. Когда же он разлепил веки, то различил впереди, по обе стороны мощной спины Овцебыка, два силуэта: один – большой, другой – маленький. Привыкнув к свету, тигрёнок признал в них Филина и Льва.

– Что, друзья мои, нельзя было дверь открыть? – голос Овцебыка не обещал ничего хорошего.

Он обернулся к Тигрёше:

– Стол поставь, чего замер. А это, познакомься, «мастера» наши: Филин у нас обозреватель, а Лев – артист, понимаешь, то бишь старший диктор... Всё может, ежели пожелает!

Тигрёша кашлянул, протянул лапу. Лев принялся оглаживать собственный галстук, белый в синий горошек, Филин поправил съехавшие на маленький жёлтый клюв очки.

– Как бабушка? – Филин вяло подал тигрёнку крыло и, не дожидаясь ответа, пошёл вглубь комнаты.

– Где Ворон? – окликнул его Овцебык.

– На вылете...

– А Снежная Коза и Большой Панда?

– Студию моют, – Лев поправил узел галстука.

– Это дикторы наши – Снежная Коза и Большой Панда, – пояснил Овцебык. – Кобра – редактор. Ну, Страусиху представлять не буду. Тоже редактор. – Овцебык скривился так, точно его массивные рога чересчур сильно сдавили ему лоб, – фонарь цел?

ТА, КОТОРАЯ НЕСЛА ФОНАРЬ сидела за столом в сером платье с опушкой из белых перьев. Тигрёша подошёл к ней. Страусиха молча протянула фонарь, поведя длинной розовой шеей в сторону начальника.

– Мда, – хмыкнул Овцебык. – Как только дадут свет, у нас начнется запарка – всё-таки сегодня первая передача. А мы ещё толком бумаги не разобрали... Кабинет-то только утром дали. Сам видишь, что творится!

В редакционной комнате, и в самом деле, был тот же беспорядок, что и в коридоре. На сдвинутых в ряд столах – стулья, на застеленном газетами полу – туго перевязанные стопки книг, бумаг, газет и конвертов.

– Приходи-ка ты, Тигрёша, завтра, – продолжал Овцебык. – Посидишь в студии, считаешь на пробу, а мы тебя послушаем. Подготовь какой-нибудь рассказик на страничку: его и прочтёшь. Тема любая.

– А во сколько приходиться?

– Значит, так... Радио открывается в пять вечера, через час после закрытия Зоопарка для посещения... Так что к пяти.

– Спасибо большое!

– Не за что.

...Опомнился Тигрёша уже на улице. Прикрыл за собой тяжёлую парадную дверь с бронзовыми ручками, застыл на ступеньках. Погода – чудо: солнечно, снег блестит, сухо. Позади четырёхстворчатые дубовые двери, серый шершавый гранит цоколя, строгий рисунок красной кирпичной кладки стен... Тигрёша обернулся: в окнах второго и третьего этажа синело небо. Он прошептал: р-р-р а д и о... Повторил ещё раз, зажмурился от удовольствия, покатал слово во рту, с удовольствием ощущая на кончике языка: р-р-р а д и о...

– Кончай р-р-рычать, Грррёша!

Тигрёша повернул голову на звук. Рогатый Ворон. Видно, тот самый, что был «на вылете». Ворон держал под крылом толстую папку:

– Чего у входа жмёшься? Заходишь или оттуда?

– Оттуда. Меня на работу взяли.

– Поздравляю. А мне, наоборот, *туда*. Как бабушка?

Тигрёша пробормотал в ответ «хорошо» и поспешил открыть Ворону тяжёлую дверь с бронзовой ручкой...

«Зачем я наврал, что меня взяли? – думал он по дороге домой. – Ведь никто мне ничего не обещал, завтра – прослушивание, а там – по результатам... Нехорошо вышло, ну да ладно, будь что будет! Он был в редакции? Был. С ним разговаривали? Разговаривали. На завтра пригласили? Пригласили! А всё остальное – чепуха. Самое главное будет завтра. Завтра!»